

М а с т е р   к р и м и н а л ь н ы х   т а й н

«Кто лишь чуть-чуть не глуп, тот не может жить и не презирать себя, честен он или бесчестен — это все равно. Любить своего ближнего и не презирать его — невозможно».

Федор Достоевский

«Ты, — говорил он, показывая на меня так, что я чувствовал, будто меня впервые явили в этом мироздании, — ты можешь делать все, что хочешь, но также ты должен делать то, что говорю я. С сегодняшнего дня слушай внимательно, что я тебе говорю, смотри внимательно, что я делаю. Это жизнь такая шутка, которая совсем не шутка. Даже москиты знают, что им надо выживать».

Бен Окри

«Голодная дорога»

Глава 1

Он прилетел в Баку на несколько дней, на свадьбу своего племянника. Все прошло как обычно. Огромное количество гостей и родственников, превышающее всякие разумные пределы. Был арендован зал на пятьсот человек, в котором с трудом разместили всех приглашенных. Восточная свадьба — это целый ритуал, со своими условностями и традициями. При этом бакинская свадьба удивительно сочетает в себе европейские и восточные традиции, превращая ее в незабываемое зрелище не только для жениха и невесты, но и для всех гостей.

Он вернулся домой во втором часу ночи. Уходить раньше положенного времени было не принято. Вернулся уставшим и недовольным. Семь часов, проведенные за столом

под громкие крики, танцы и звуки музыки, могли выбить из нормальной колеи кого угодно. Нужно было еще и поглощать пищу, так как хорошая свадьба подразумевала пять или шесть основных блюд, которые менялись с поразительной частотой, а также огромное количество алкоголя. При этом на бакинских свадьбах проявлялся удивительный космополитизм, когда пили абсолютно всё — от шампанского до вина, от водки до виски, от коньяка до текилы. У каждого были свои предпочтения. Здесь не придерживались строгих запретов. Среди гостей могли быть и абсолютные трезвенники, совершавшие хадж в Мекку и не притрагивающиеся к спиртному. Таких обычно сажали за отдельный стол, чтобы не смущать их видом остальных потребителей горячительных напитков. Ради справедливости стоит признать, что на пятьсот человек приглашенных таких бывало от силы десять или пятнадцать гостей.

Пройдя в кабинет, он включил свой ноутбук. Благодаря мобильному Интернету теперь можно было включать ноутбук практически в любой точке не только московской или римской, но и бакинской квартиры. Правда, в отличие от римского дома, в котором Джил обитала с детьми, в Москве и Баку у него были две идентичные квартиры с одинаковой мебелью, сантехникой, бытовыми приборами и даже занавесками

и обоями. Самым трудным оказалось создать идентичную библиотеку, первую он собирал много лет. В ней было много его любимых книг. Вторую он собрал за пять или шесть лет, подбирая такие же книги. Он старался держать их на одних и тех же полках, в том порядке, в котором они были расставлены в другой квартире. Иногда это приводило к смешной путанице, когда он просто забывал, где именно находится в данный момент. Настоящая глобализация в действии, часто думал Дронго. Ведь японские телевизоры, немецкие пылесосы, испанская мебель, шведские холодильники, итальянские стиральные машины, китайские занавески, русские и английские книги, бельгийские кожаные кресла, швейцарские обои, французская посуда были одинаковыми как в Баку, так и в Москве.

Он прочитал несколько сообщений, отправил два письма и уже собирался отключиться, когда увидел еще одну весточку. Он взглянул на часы. Три часа ночи. Даже для Европы достаточно поздно. Может, послание из Америки. Адресат был ему неизвестен, но письмо отправлено из Москвы. Еще более удивительным выглядел тот факт, что в заглавии письма значилось: «Просьба о помощи». Обычно так письма никто не начинал.

Немного подумав, он решил распечатать письмо, включив антивирусную программу. Для

подобных писем у него был другой ноутбук, через который он пропускал все подозрительные послания. Переключившись на него, он прочел письмо.

— «Извините, господин Дронго, что я обращаюсь к Вам с этим необычным письмом. Я знаю Ваше настоящее имя, но мне сказали, что к Вам обычно так и обращаются. У меня к Вам огромная просьба о помощи. Я хотела бы встретиться с Вами лично и все обсудить. Если Вы, конечно, разрешите. Извините, что набралась смелости и написала Вам это письмо. Если ответите, я буду знать, что Вы согласились. Извините еще раз. Сабина».

«Странно, что она знает, куда именно отправлять свои письма», — сразу подумал Дронго. Он иногда получал подобные послания, но отвечать на каждое из них было бы пустой тратой времени. О его расследованиях уже знало достаточно большое количество людей. Иногда о нем писали в газетах и журналах. Он не любил подобные статьи, искренне считая, что они вредят его имиджу независимого эксперта и создают вокруг ненужный ажиотаж. Но в двадцатом веке, когда основные новости посредством Интернета становились известными уже через несколько минут после их появления во Всемирной сети, с подобной «популярностью» приходилось мириться. Но

отвечать на каждый подобный запрос, на каждое обращение было просто невозможно.

Он еще раз перечитал письмо. Такие письма он получает почти ежедневно. И не может объяснить людям, что просто физически не в состоянии помогать каждому обратившемуся за помощью. Хотя бы потому, что тогда он станет вынужден заниматься этими делами всю оставшуюся жизнь. Но и отказывать таким людям ему было немного грустно. Словно он оставлял в беде человека, который так надеялся на его помощь.

Утром его разбудил телефонный звонок. Он взглянул на часы. Уже половина одиннадцатого. После третьего звонка включился автоответчик, сообщивший, что позвонивший может оставить свое сообщение. Раздался недовольный голос матери, которая хотела узнать, почему ее сын не берет трубку. Услышав, кто именно ему звонит, он сразу поднялся, чтобы взять трубку.

— Твой автоответчик говорит таким противным голосом, — сразу заявила ему мать.

— Это мой голос, — улыбнулся он, — я записал обращение, чтобы меня не беспокоили.

— Ты хочешь сказать, что я тебя беспокою? — уточнила она.

— Ни в коем случае. Просто еще рано, учитывая, что я вчера допоздна сидел на свадьбе

нашего родственника, моего двоюродного племянника.

— Это внук моей сестры, — строго напомнила ему мать, — и не понимаю, почему ты все время должен мне возражать. Или ты не рад, что приехал?

— Я очень рад, что приехал. И очень рад, что вчера побывал на свадьбе внука твоей сестры. И сидел до часу ночи, пока все гости не разошлись. Ты же сама меня видела.

— Но не смогла с тобой поговорить. Там было так шумно...

— В этом тоже виноват я?

— Не смей мне возражать. Я хотела вчера с тобой поговорить, но не получилось. Поэтому позвонила сегодня утром, а твой автоответчик советует мне оставить для тебя сообщение. Разве можно так разговаривать с матерью?

— Нельзя, — согласился он, — но мой автоответчик не может распознать, кто именно ему звонит. И автоматически включает запись. Ты ведь все понимаешь.

Матери было за восемьдесят. И она действительно все понимала. Более того, она даже научилась принимать и отправлять сообщения по Интернету, уже когда ей исполнилось восемьдесят. Но ей так хотелось немного поговорить с сыном, немного ему пожаловаться. И услышать его голос.

— Мама, — мягко добавил Дронго, — я помню, что сегодня должен к вам приехать. И обязательно приеду, можешь не волноваться.

— Надеюсь, что приедешь. Но я звоню тебе не поэтому. Я хотела тебя предупредить, что к тебе обратится одна молодая девушка. Ее зовут Сабина. Фамилия Абасова. Она обещала написать тебе на твой электронный адрес.

— Она уже написала, — вспомнил он вчерашнее письмо.

— Очень хорошо. Я хочу, чтобы ты ей помог. Алло, ты меня слышишь? Считай, что это моя личная просьба.

— Мама, как я могу ей помочь, если я даже не видел ее. И не знаю, какая у нее проблема. Она только написала, что просит ей помочь.

— Вот ты и помоги. Для начала напиши ей ответное письмо как интеллигентный человек, а потом помоги. И считай, что это моя большая личная просьба.

— Обязательно. Но кто она такая? Неизвестная мне дальняя родственница или опять дочь твоей подруги?

— Тебе не стыдно? Я так часто тебя о чем-то прошу?

— Я буду выполнять все ее просьбы и поручения, — пообещал он, — только не волнуйся.

— Как это не волнуйся. Я очень волнуюсь. Ты становишься черствым человеком. Стал

меньше звонить. Даже Джил из Италии звонит гораздо чаще, чем ты...

— Я учту твою критику.

— Это не критика. Мать имеет право быть недовольной своим сыном. Алло, ты меня слышишь? Что ты делаешь?

— Ищу ручку.

— Зачем?

— Я записываю каждое твоё слово.

— И перестань шутить. Это внучка Лейлы Абасовой, моей подруги по старым временам. Мы с ней работали вместе еще в комсомоле.

— Это когда вы вместе служили в штабе Буденного? — пошутил сын.

— И не смей намекать на мой возраст. Когда была армия Буденного, меня не было на свете. Ты прекрасно знаешь, что мне только восемьдесят пять.

— Прекрасный возраст. Если бы ты еще прекратила работать, было бы замечательно.

— Ты хочешь усадить меня дома и никуда не выпускать. А моя работа дает мне чувство ритма жизни.

Она была ректором университета более тридцати лет и в последние годы продолжала преподавательскую деятельность, даже выйдя на пенсию.

— Поступай как считаешь нужным, — примиряюще сказал Дронго.

— Сначала ты меня послушай. Отправь ей письмо и назначь ей встречу. Чтобы она могла с тобой встретиться в Москве. У нее трагедия, арестовали ее дядю. Это тоже сын Лейлы Абасовой, только он младший сын, а отец Сабины — ее старший сын. Ты меня слышишь?

— Конечно, слышу. Я все понял. Ты не беспокойся. Прямо сегодня и напишу.

— Сейчас, — потребовала мать, — прямо сейчас. Так будет правильно.

— Обязательно напишу. Только скажи мне, за что арестовали ее дядю? Она тебе говорила?

— Мне звонили ее родители. Сын и невестка Лейлы-ханум. Они просили о помощи. Сказали, что Сабина тебе сама все расскажет. Ее дядя известный бизнесмен в Москве. И его посадили в тюрьму. Хорошо, что бедная Лейла не дожидается до этого дня. Она бы не вынесла такого позора.

— Тебе сказали, за что именно его посадили?

— Конечно, сказали. Придумали, что он убил своего сотрудника.

— Бизнесмен, убивший своего сотрудника? — нахмурился Дронго. — Обычно бывает наоборот.

— Он ни в чем не виноват. Сабина хочет с тобой встретиться и переговорить. Она тоже юрист, работает в крупной немецкой компании. Ты меня понимаешь. Ты должен ей написать. Считай, что это моя личная просьба.

— Прямо сейчас и напишу. Потом побреюсь, приму душ и приеду к вам.

— Я уже не дождусь, когда ты наконец решишь у нас появиться, — ворчливо заметила мать, — а вообще лучше позвони ей. У меня есть ее московский телефон. Сейчас я его найду..

Он попытался ее остановить, но было уже поздно. Она отложила трубку и отправилась на поиски московского телефона внучки своей давней приятельницы. Он терпеливо ждал у аппарата. Положить трубку в такой момент значило обидеть ее на всю жизнь. Она искала записанное долго, минуты три или четыре. Наконец он снова услышал в трубке ее голос.

— Я нашла, — торжествующе сказала мать, — запиши ее телефон.

— Не нужно. Я запомню. Продиктуй мне этот номер.

— Сначала нужно набрать ноль-ноль. Потом четыреста девяносто пять. Это код Москвы...

— Мама. Я все это знаю. Назови номер.

Она назвала семизначный номер. Он сразу его запомнил. Он вообще никогда не записывал номера, предпочитая оставлять их в своей памяти.

— Ты его запомнил? — спросила она.

— Конечно. Ты ведь знаешь, что я никогда не записываю номера телефонов.

— Иногда мне кажется, что некоторые номера ты забываешь. Например, мой.

— Я его никогда не забываю. Но иногда бывает много работы.

— Так много, что ты не можешь даже позвонить своей матери...

— Да, ты права. Это свинство с моей стороны. Больше такого не будет.

— Знаешь, — неожиданно сказала она, — мне иногда бывает очень больно. Когда был жив твой отец, ты звонил почти ежедневно. А сейчас...

Он подумал, что она права. При воспоминании об отце у него заныло сердце. Это был его лучший друг и советчик. Он ушел на девятом десятке лет, прожив с его матерью больше полувека. Ушел, заснув и не проснувшись. Улыбаясь чему-то своему, увиденному в последний раз. Говорят, что подобной смертью Господь одаряет праведников. Но боль все равно остается.

— Извини, — сказал сын, — я обязательно к тебе сегодня приеду.

Положив трубку, он молчал целую минуту, закрыв глаза. Ему казалось тогда, что мир стал неполным, если в нем не осталось места для его отца. Вся прежняя жизнь была опрокинута и казалась теперь одним счастливым сном. Он прожил вместе с родителями почти сорок девять лет. Другой мог бы назвать это счастьем.

Он подумал, что боль потери бывает одинаковой и в десять, и в двадцать, и в сорок, и в пятьдесят лет. Или это не совсем так. Боль потери в десять лет — это жизнь подростка без отца в самые нужные моменты жизни. Боль потери в двадцать лет — это жизнь молодого человека без отца в период становления новой жизни. Боль потери в тридцать лет — это жизнь человека без мудрого осмысления прожитых лет и без должного наставника. В сорок лет с потерей начинаешь смиряться. В пятьдесят уже сам чувствуешь себя не совсем молодым человеком. Но боль все равно остается.

Он набрал московский номер Сабины Абасовой. И услышал ее энергичный голос:

— Доброе утро. Я вас слушаю.

— Здравствуйте. Вы вчера ночью написали мне письмо. Меня обычно называют Дронго.

— Ах, извините. Я не думала, что вы мне позвоните. Извините и за мое сумбурное письмо. Я так волновалась. Вы, наверно, подумали, что я экзальтированная особа, которая пытается с вами связаться. Я даже хотела переделать письмо, но было уже поздно — я его отправила.

— Ничего страшного. Нормальное письмо.

— Вы, наверно, перезвонили из вежливости. Мои родители знают вашу маму, которая дружила с моей бабушкой. И, наверно, через нее